

Дремлющие

Екатерина Шкурят

Екатерина Шкурат

Дремлющие

«Автор»

2026

Шкурат Е. В.

Дремлющие / Е. В. Шкурат — «Автор», 2026

Сон всегда был естественной частью человеческой жизни. Пока однажды его не отняли. Мир, где люди больше не могут спать, постепенно погружается в страх, хаос и зависимость от тех, кто обещает спасение. То, что для одних становится началом новой эры, для других превращается в медленное угасание. Но в тени появляется организация, о которой говорят шёпотом – «Дремлющие». Власть называет их террористами. Люди видят в них угрозу. Однако за образом безжалостных преступников скрывается история, которую никто не хочет услышать. Кто они – убийцы, ведущие войну против человечества? Или последние, кто пытается его спасти? Когда правда оказывается опаснее любой лжи, героям предстоит узнать: иногда самый страшный враг скрывается не во тьме а за светом, которому все привыкли доверять.

© Шкурат Е. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
ВСЁ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Дремлющие

Глава 1

ВСЁ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

29.08.2044 год.

Дорогие новоприбывшие друзья. Добро пожаловать в город Эндримбург, где открываются двери в мир снов! Сегодня нашему городу исполняется двадцать лет. Так отпразднуем эту знаменательную дату забвения!

Солнце медленно опускалось к горизонту, тускнея и превращаясь в блеклый оранжевый диск, словно кто-то провёл по нему мягкой кистью, стирая насыщенность красок. Небо же, напротив, разгоралось на его краю проступал нежный розовый оттенок, растекаясь по облакам, будто растворённые в воде чернила.

Вокруг звучала музыка – громкая, живая, пульсирующая. Она переплеталась с радостным смехом, возгласами, разговорами, создавая ощущение величественного праздника, словно весь город вздохнул полной грудью. Эндримбург сиял: над домами взлетали вспышки фейерверков, рассыпаясь над площадью россыпью сверкающих искр.

Поверните голову вправо и увидите танцующие голограммы. Они кружатся в воздухе, переливаются всеми цветами, манят, словно живые. Их единственная цель втянуть людей в свою яркую, зажигательную атмосферу. А теперь взгляните левее: голодны? Идите туда. Ряд палаток с закусками дымит и шкворчит на все лады. Здесь вам и ароматная морская живность на гриле, и золотистая жареная кукуруза, и сладкие лепёшки, и напитки на любой вкус. Разве не восхитительно? Везде вспыхивают огни камер, люди спешат увековечить этот день, свои улыбки, свои эмоции. Хотите прокатиться на аттракционе? Пожалуйста. Сегодня можно всё. Эндримбург отмечает двадцатилетие, и главная площадь стала сердцем праздника, магнитом для туристов, искрящейся в ритме большого торжества.

Именно отсюда начинается наша история. Добро пожаловать – в мир снов.

– Чёрт!.. Смотри, куда прёшь, паршивец! – раздалось совсем рядом хриплое, раздражённое рычание. Огромный мужчина возвышался над мальчишкой, словно закрывая собой не только его обзор, но и яркую вывеску, горевшую за спиной. Его лицо исказилось недовольной гримасой: нахмуренные брови и тяжёлый взгляд делали его почти угрожающим. В руке он держал бутылку. Когда мальчик случайно задел его, часть содержимого выплеснулась наружу, оставив тёмное влажное пятно на его обтянутой футболке. Резкий запах алкоголя тут же ударил в нос – едкий, неприятный, тяжёлый. Здоровяк сжал бутылку левой рукой так крепко, будто держал в ней что-то бесценное. Правой попытался вытереть одежду, но только размазал пятно ещё шире.

«Скажи спасибо, что я украсил твою футболку лучше, чем содержимое этой бутылки», – мелькнула у мальчишки дерзкая мысль.

Но вслух он не сказал ничего. Ни слова оправдания. Ни извинения.

– Ну и наглец... Даже не извинишься? – проворчал мужчина. Его голос стал ниже, опаснее. – Ладно. Похоже, тебя придётся учить манерам. – Его массивная рука рванулась вперёд. Пальцы сомкнулись на волосах мальчика с такой силой, что тот едва удержался на ногах.

– А-ай! – тонкий, испуганный крик вырвался из его горла, разрезав тёплый вечерний воздух. Ещё мгновение назад улица казалась спокойной, но теперь в ней словно появилось невидимое напряжение.

– Не нравится? – усмехнулся здоровяк, подтягивая его ближе. – Сейчас я тебе объясню...
– Хватит.

Голос прозвучал негромко. Но в нём было столько спокойной уверенности, что окружающий шум будто на мгновение стих. За спиной мужчины появилась высокая тёмная фигура. Незнакомец положил ладонь ему на плечо – без резких движений, почти спокойно. Однако в этом жесте чувствовалась сила человека, который не сомневается в собственных действиях.

– Отпустите мальчика.

Те же слова. Тот же ровный тон. Здоровяк, поглощённый своим гневом, сначала даже не обернулся. Он лишь раздражённо фыркнул, собираясь проигнорировать вмешательство. Но затем чужая рука сжалась сильнее. Настолько, что под его кожей что-то болезненно хрустнуло.

Перед ним стоял высокий мужчина в чёрном. Глубокий капюшон скрывал его лицо, погружая черты в густую тень. Видны были лишь очертания подбородка и глаза... или то, что могло сойти за глаза. Они не моргали. Не двигались. Не выражали ни злости, ни раздражения, ни даже любопытства, словно принадлежали человеку, который давно забыл, что такое эмоции.

«Хрыч... старый хрыч», – мелькнуло в голове у толстяка. Именно так он позже запишет в своих показаниях: «Вмешался какой-то ХРЫЧ». Но сейчас ему было не до насмешек. Он сглотнул, попытался расправить плечи и вернуть себе прежнюю уверенность – ту самую, которая ещё несколько секунд назад заставляла его чувствовать себя хозяином положения.

– Слышь... мужик... – пробормотал он. Голос предательски дрогнул. – Шёл бы ты своей дорогой...

Он хотел, чтобы это прозвучало как угроза. Но получилось иначе. Слова больше походили на жалкую просьбу, почти на попытку убедить не незнакомца, а самого себя, что он всё ещё контролирует ситуацию. Этого мгновения хватило. Мальчишка рванул с места. Он бросился прочь так быстро, что едва не потерял башмаки, оставляя после себя только стук быстрых шагов и растворяющийся в шуме площади детский смех.

– Эй! Эй, стой! – рявкнул здоровяк, вытягивая шею. – Ну мужик... ты у меня... Эй! Ты где?..

Но ответом ему была лишь тишина. Тёмного незнакомца больше не было. Ни шагов. Ни силуэта. Будто он никогда и не стоял рядом, а был всего лишь призрачным отражением среди огней праздничного вечера. Толстяк остался один посреди шумной площади, сжимая бутылку, которая теперь заметно дрожала в его руке. А город продолжал жить. Над улицами проплывали дроны, и с высоты разносился мягкий, безупречно спокойный голос рекламной системы:

– Эндримбург – город, где вы можете чувствовать себя в полной безопасности! Вашему здоровью ничего не угрожает. Прекрасного праздника всем нам!

Голографические изображения танцевали на фасадах зданий. Над головами вспыхивали фейерверки. Смех людей разлетался по улицам, словно волна, стирающая любые следы случившегося. Для большинства этот момент уже закончился. Обычная случайность. Короткий эпизод среди тысяч других. Но для кого-то он был не концом. А началом. Началом истории, которая однажды изменит судьбы многих. Истории, которая только вступала на свою тропу.

2

– Ты в порядке? – тихий голос разрезал тишину переулка.

Мальчишка вздрогнул так резко, словно его окатили ледяной водой. Он невольно поднялся на цыпочки, будто стремился стать легче, меньше, почти незаметным, словно тень, которую можно было бы не заметить в темноте. Только теперь он почувствовал, насколько сильно напряжено его тело: мелкая дрожь пробежала по плечам, кожа на руках покрылась мурашками, а холод ночного воздуха впился в тонкую ткань одежды и добрался до самого сердца. Медленно, с трудом заставляя себя двигаться, он повернул голову и краем глаза уловил движение в глубине переулочка. Там, среди густых теней, стояла фигура человека.

– С тобой всё в порядке? – снова спросил незнакомец.

В этот момент луна, словно услышав его голос, медленно выбралась из-за тяжёлого мутного облака, и её бледный серебристый свет пролился на мужчину. Лучи скользнули по чёрному одеянию, обозначая очертания его силуэта, но лицо всё ещё оставалось скрыто в полумраке. Мужчина сделал шаг вперёд – медленный, осторожный, почти нерешительный, словно перед ним был не ребёнок, а маленькое дикое существо, которое можно спугнуть одним неверным движением.

Мальчик тут же отступил назад. Их движения оказались почти зеркальными: один шаг вперёд – один шаг назад, будто между ними натянулась невидимая нить, заставлявшая обоих реагировать друг на друга. Мужчина мгновенно остановился. Затем медленно поднял руки ладонями вверх – простой жест, понятный без объяснений. В открытых ладонях не было угрозы, только спокойствие и готовность показать: он ничего не скрывает. Это немного ослабило напряжение. Совсем немного. Мальчик всё ещё вздрагивал, несколько раз быстро моргнул и продолжал смотреть на незнакомца с настороженностью, почти болезненной для такого маленького лица. Внутри него сталкивались разные мысли: доверять или убежать? Кричать или сделать вид, что ему не страшно? Остаться или воспользоваться первым шансом и исчезнуть? Его ноги уже сами начали поворачиваться в сторону выхода из переулочка, тело будто приняло решение раньше разума. Но мужчина заметил это движение раньше, чем мальчик успел сделать хотя бы один шаг. И тогда он неожиданно опустился на землю. Прямо на холодный асфальт. Он сел, подняв руки ещё выше, словно школьник, который сдался в дворовой игре и теперь доказывал, что у него нет никаких плохих намерений.

– Не бойся. Я не кусаюсь, – мягко сказал он. – И обижать тебя не собираюсь.

Он не опускал рук.

– Если тебе слишком страшно, можешь уйти. Я не встану, пока ты не уйдёшь. Обещаю.

Слова были простыми. Даже немного нелепыми. В них не было ни хитрости, ни попытки казаться важным. Но страх всё равно ещё держал мальчика крепко, накатывая короткими, острыми волнами. Только когда свет старой дрожащей лампы над переулком наконец упал на лицо мужчины, напряжение начало понемногу отступать.

Перед ним сидел худощавый человек, на вид ему было около тридцати или сорока лет. Лёгкая небритость покрывала его лицо, а усталые черты странным образом сочетались с добротой. В его глазах отражалось что-то необычное – смесь любопытства, тепла и искренней симпатии, будто эта встреча, такая случайная и странная, была для него чем-то важным. Мальчик осторожно сделал шаг ближе, шаркая пыльными ботинками по асфальту. Теперь, оказавшись под светом фонаря, он выглядел ещё более измученным. Под глазами залегли тяжёлые тени бессонной ночи, волосы спутались и давно потеряли привычный вид, словно вода не касалась их уже много дней. Огромная футболка висела на нём бесформенным мешком, будто её случайно надели не на ребёнка, а на взрослого человека.

– Крутая футболка, – неожиданно заметил мужчина, чуть наклонив голову. Он прищурился, рассматривая красную надпись на чёрной ткани. – Не слышал о таком исполнителе. «Wind... рэп», правильно?

Футболка была настолько велика, что казалось: ещё немного – и она действительно сможет поглотить мальчика целиком. Но именно в этой нелепой одежде, с повязкой на лбу, закатанными до голени штанами и растрёпанными после драки волосами, он выглядел не странно, а скорее трогательно. В нём было что-то хрупкое и одновременно упрямое.

– Он недавно начал... петь? – продолжил мужчина. – Я вообще не большой любитель рэпа, но вот «Трэвис Скотт», «Элмо Кеннеди О'Коннор» – это мне нравится. Особенно...

– Рэп не поют. Рэп читают, – тихо поправил мальчик. На его лице появилась робкая улыбка. Он осторожно сел напротив мужчины. Огромные глаза всё ещё оставались настороженными, но в них впервые за долгое время появилось настоящее любопытство. Мужчина поднял брови, искренне удивившись. А затем расхохотался. Громко, открыто, до хрипоты.

– Ха-ха! Прощу прощения! Читают! Совсем забыл... Или уже так не говорят? – Он согнулся от смеха, едва удерживаясь на месте. Его голос всполошил воронов, устроившихся на крыше соседнего дома. Птицы резко каркнули и взмыли в тёмное небо, хлопая крыльями над переулком. Мужчина вытер выступившие слёзы рукавом плаща, всё ещё не опуская поднятых рук. Со стороны он выглядел настолько нелепо, что мальчик, сам того не ожидая, тоже тихо рассмеялся. Но даже сквозь смех он продолжал наблюдать за незнакомцем. Он всё ещё оценивал его. Всё ещё ждал подвоха. Через минуту мальчик глубоко вдохнул и тихо произнёс:

– Ты странный... но спасибо. – Он немного замолчал. – Спасибо, что помог с тем толстяком.

Его голос всё ещё дрожал, и страх прятался в каждом слове, но сам он стоял удивительно ровно. Ни один мускул не выдавал внутренней паники. На лице застыла странная улыбка, почти нарисованная, не совсем естественная, но упрямая, словно он изо всех сил пытался убедить не только мужчину, но и самого себя, что всё под контролем. И именно в этот момент стало понятно: их знакомство, начавшееся среди страха, темноты и недоверия, только начиналось.

3

Высокие монументальные дома и величественные дворцы тянулись вдоль улиц, словно гигантские стражи, застывшие на посту. Их башенки соединялись между собой изящными арочными мостами, будто легкими каменными нитями, сплетёнными в воздухе. Кованные ажурные решётки обрамляли многочисленные балконы и террасы, создавая хрупкий контраст с суровым камнем стен. Несмотря на то, что большая часть города была возведена в духе минимализма, хай-тека и стиля прерий, немало старинных построек по-прежнему сохраняло черты классической европейской архитектуры. Каждая улочка здесь могла стать страницей из учебника истории, настолько разнообразно и смело смешивались эпохи.

Стоило пройти лишь один квартал, чтобы убедиться в этом. Справа громоздились здания строгих пропорций: симметрия фасадов, четкость линий и ясность геометрии придавали им почти математическую красоту. Слева же прятался скромный домик с характерной двускатной крышей, широкие свесы которой выдавали его происхождение, старое доброе шале, словно перенесённое прямиком из горной деревни. Таков был Эндримбург – город, в котором соседствовали то, что казалось несочетаемым, но при этом ни капли не спорило друг с другом.

Город был невероятно огромен. Настолько, что попутчики, проходящие мимо, легко могли заблудиться, не заметив, как одна улица незаметно перетекает в другую. Но даже в своём монументальном размахе Эндримбург не терял тепла: растительность здесь была в изобилии. Небольшие кустарники, клумбы и миниатюрные деревья украшали подворотни и переулки, а просторные скверы и парки дышали спокойствием. Казалось, каждый уголок города благоухает от тихих улочек до широких проспектов.

На северо-востоке местность становилась открытой, просторной. Здесь река Львания несла свои воды через фермерские угодья. Из года в год её воды терпеливо и настойчиво подтачивали берег, будто река в безмолвном стремлении расширить своё русло искала новые границы для своего пути. Над рекой возвышался металлический мост высотой в сто шесть метров, инженерное чудо, соединяющее два берега, как союз древности и современности. Львания текла плавно, изгибаясь ленивой дугой, и далеко на севере её воды исчезали за горизонтом.

Местные жители давно полюбили эти места: они часто приходили к реке с удочками или просто посидеть у воды, слушая её вечный, успокаивающий шёпот. Совсем другая картина открывалась на юго-западе. Именно эта часть города считалась самой живописной. В 2028 году правительство приняло смелое решение – снести несколько небоскрёбов и освободить пространство для зелёных полей. Теперь там раскинулась почти сельская идиллия: трава, ветер и чистейший воздух, к которому горожане относились с особым трепетом.

И пусть вы ни в коем случае не подумайте, будто в остальном Эндримбурге воздух плох. Напротив, здесь удивительно благоприятная среда: пенсионеры живут долго, а уровень рож-

даемости превышает семьдесят один процент. Что уж говорить – Эндримбург действительно можно назвать городом снов.

А может быть... не только Эндримбург. Возможно, в каждом городе, если присмотреться внимательнее, живёт частичка мечты.

4

Они расположились на стульях, обтянутых мягкой багряной кожей, которые словно были созданы специально для этой праздничной площади, гармонично вписываясь в её яркую, торжественную атмосферу. Под светом многочисленных фонарей поверхность кресел едва заметно поблёскивала, будто её покрывал тончайший слой лака, придавая им почти праздничную изысканность. Мужчина, представившийся Севастьяном, неторопливо наслаждался содовой с шоколадом – сочетанием необычным и, возможно, даже странным для многих, но по спокойному и довольному выражению его лица было ясно, что этот напиток пришёлся ему по вкусу. Напротив него мальчик, устроившись поудобнее, с нескрываемым удовольствием принялся за свой второй хот-дог. Теперь он ел уже не с той стремительностью, с какой набросился на первый, словно боялся, что еда исчезнет раньше, чем он успеет насытиться, но внимательный взгляд мужчины говорил о другом: мальчик был твёрдо намерен довести начатое до конца и не оставить после себя ни единой крошки.

– Смотри, язык не проглоти, – с лёгкой насмешкой произнёс мужчина, окинув взглядом шумную, наполненную светом и движением площадь.

– Ощень вку-но... сшасибо... – пробормотал мальчик, продолжая жевать с такой сосредоточенностью, будто кто-то в любой момент мог попытаться отнять у него этот драгоценный последний кусок. – Я никогда... в жиз-ни... не ел два хот-дога подряд. Во всяком случае, таких... больших!

Его слова едва успевали звучать, потому что булка в его руках исчезала с поразительной скоростью, словно не съедалась, а растворялась в воздухе, оставляя после себя лишь несколько крошек на ладонях. Тем временем площадь продолжала жить своей собственной яркой и шумной жизнью. Стрелки часов приближались к половине десятого вечера, но город и не думал погружаться в сон. Сегодня отмечали важную дату, и люди со всех окрестных улиц вышли из домов, чтобы стать частью общего праздника, разделить чужую радость и почувствовать себя единым целым с этим огромным, сияющим пространством. На фасадах зданий оживали голографические плакаты, переливаясь множеством цветов и наполняя улицы звонкими механическими голосами. Они снова и снова призывали горожан веселиться, наслаждаться каждым мгновением, не упускать ни секунды радости – ни днём, ни ночью, словно сам город боялся остаться в тишине хотя бы на короткое время. Тёплый августовский воздух был густым и почти липким, словно впитал в себя всё летнее тепло последних дней. Конец месяца уже приближался, но жара всё ещё держалась уверенно, не желая уступать место прохладе. На газонах густая, насыщенно-зелёная трава блестела от вечерней росы, источая свежий, чуть влажный аромат земли и растений. На западной стороне площади каприфоль разрослась настолько пышно, что её ветви почти тянулись к свету фонарей, а среди белых и розовых цветов лениво кружили тяжёлые от сна пчёлы. Они медленно перелетали от одного бутона к другому, словно и сами не хотели покидать этот спокойный уголок посреди всеобщего праздника.

Севастьян допил свой сладкий молочный коктейль – холодный, густой, с лёгким хрустом растаявшего льда, – поставил стакан в сторону и снова посмотрел на мальчика. В его взгляде смешались любопытство, едва заметная улыбка и какое-то тихое внимание, будто за этим простым моментом он видел нечто большее, чем просто ребёнка, который впервые за долгое время позволил себе наесться досыта.

– Как тебя зовут?

Мальчик, запивая последние кусочки хот-дога клубничным коктейлем, шумно втянул воздух через соломинку и вдруг совершенно беззастенчиво, на весь столик, громко отрыгнул.

– Мааарк... ай, – протянул он, словно не просто произносил своё имя, а с удовольствием исполнял маленькую песенку, посвящённую самому себе.

За соседним столиком сидела статная дама в шелковом шарфике, который лёгкой, мягкой лентой покоился на её пышных русых волосах. Услышав мальчика, она медленно повернула голову и одарила его взглядом, в котором отчётливо читались одновременно удивление и строгое неодобрение. Севастьян, заметив её реакцию, тут же поспешил сгладить неловкость: слегка приподнял ладонь в примиряющем жесте и подарил даме свою самую доброжелательную улыбку.

– Простите, дети... – произнёс он с лёгкой растерянностью и добродушным смущением.

Дама встретилась с ним взглядом, и её строгая маска неожиданно дрогнула. На щеках проступил едва заметный румянец, а вместо возмущения в голосе появилась мягкость.

– Н-ничего... Просто неожиданно, – тихо ответила она. – Для ребёнка... немного громковато.

Она прикрыла губы ладонью, пытаясь скрыть улыбку, но вскоре сама не выдержала. Севастьян тоже тихо рассмеялся, и на несколько секунд между ними исчезла вся неловкость – осталась лишь забавная, почти семейная сцена посреди шумной праздничной площади. Но Марк, заметив их реакцию, тут же оживился. Он распахнул глаза, высоко поднял брови, вытянул губы смешной трубочкой и, прижав указательный палец к носу, с самым серьёзным выражением лица изобразил маленького поросёнка:

– Хрю-хрю! А вы, тётя, тоже хрю-хрю?

На лице дамы застыло выражение полного недоумения. Её глаза расширились, а вся доброжелательность мгновенно исчезла, словно её выключили одним движением.

– Хам! – возмущённо воскликнула она так резко, что одна из русых прядей выбилась из причёски и мягко упала ей на плечо.

Она стремительно поднялась со стула, сохранив даже в своём возмущении какую-то особенную, почти театральную грацию. Слегка качнув бёдрами, она фыркнула напоследок и направилась прочь, растворяясь среди людей с таким достоинством, будто покидала не обычный столик на праздничной площади, а сцену после драматического выступления. Её ярко-красный силуэт ещё несколько секунд выделялся среди толпы, а затем исчез в потоке огней, голосов и движущихся фигур. Севастьян и Марк переглянулись. А потом одновременно рассмеялись. Смех вырвался так искренне и громко, что они уже не могли остановиться. Марк хохотал, запрокидывая голову, совершенно забыв обо всём вокруг, а Севастьян согнулся пополам, вытирая выступившие от смеха слёзы. В какой-то момент мальчик даже не заметил, как из носа предательски показалась сопля, что только сильнее рассмешило мужчину. Когда приступ веселья наконец стих, Севастьян выпрямился, перевёл взгляд на часы, затем посмотрел на Марка и на оставшийся в его руках небольшой кусочек булки. На его лице снова появилась та самая спокойная, тёплая улыбка, которая словно умела делать окружающий мир немного добрее.

– Хот-дог ещё будешь?

Марк мгновенно поднял голову, будто эти слова были самым желанным предложением на свете.

– Да! С удовольствием! Хрю-хрю!

Он снова рассмеялся, и через мгновение их смех растворился среди общего шума площади – среди музыки, голосов, света и тёплого августовского воздуха. И они снова оказались частью этого большого вечернего праздника, где на короткое время не существовало ни забот, ни прошлого, ни будущего, только два человека за маленьким столиком, горячий хот-дог и простая радость от того, что этот вечер оказался немного счастливее, чем все остальные.

5

– Ах... быстрее, ещё немного...

Тяжело дыша, девушка ступала по скользкой площадке первого этажа, пытаясь подавить внезапный позыв рвоты. В крошечной тьме вокруг неё почти ничего не было видно, но издали доносились приглушённые голоса и стоны, словно стены хранили чужие страдания. Глаза постепенно привыкали к темноте, и она различила приоткрытую дверь. За ней света не было, лишь звуки плача, глухие удары, да этот проклятый запах, липкий и удушающий, словно оседал на каждом вдохе, обволакивая лёгкие пленкой тревоги.

– Да-да! Ещё немного... – вопила она, заставляя себя идти вперёд.

Медленно, словно пробиваясь сквозь плотный туман, лунный свет начал освещать ей путь. Перед ней простиралась тихая улица, наполненная свежестью ночного воздуха. Ни домов, ни фонарей – лишь длинная двухполосная дорога, прорезающая густой лес, который, казалось, уходил вдаль на многие километры. Вокруг царила почти полная тишина, нарушаемая лишь едва слышным шелестом деревьев и дыханием ночного ветра. Лес окружал дорогу со всех сторон, скрывая за своими тёмными стенами всё, что находилось за пределами этого узкого пути. Примерно через три километра девушка свернула с трассы 32, направившись по незаметной боковой дороге, исчезающей среди деревьев. Вдоль западной стороны бежал узкий ручей, заваленный камнями, один из многих притоков реки Львания. Сама река начиналась высоко в холмах, пролегла через меловые горы, разливалась на несколько мелких рукавов и продолжала свой путь, будто наблюдая за тем, кто осмелился приблизиться к её водам.

Страх и странная радость переполняли разум девушки. Не заметив камня, она споткнулась, остро ударившись бедром о зазубренную поверхность.

– Черт... – безучастно пробормотала она. В тусклом лунном свете зрачки её глаз казались огромными, словно отражали всю темноту вокруг. В памяти всплыло воспоминание: официант поставил перед ней чашку кофе. Она протянула ему руку в знак благодарности.

– Приятно познакомиться с вами, – сказала она. – Многие зовут меня просто Энн.

– Значит, Энн, – ответил он. – Рад знакомству.

Энн, распластавшись в траве, с трудом пыталась повернуться на бок. Каждый свистящий вдох отдавался внутри мучительной болью, словно тело сопротивлялось каждому движению. Она чудом избежала серьёзной травмы головы – череп и без того сдавливало тяжёлое инородное тело, не позволяя забыть о случившемся ни на мгновение. В её сознании бушевал рой раздражённых, обезумевших пчёл. Их воображаемое жужжание заполняло всё пространство внутри головы, будто они рвали на части её мысли, не оставляя ни ясности, ни покоя. Образы из прошлого всплывали обрывками. Мальчишки, которые когда-то с любопытством ковырялись в улье, теперь представляли перед ней тёмными силуэтами из забытого сна. Кто они были? Почему именно они вновь возникли в её памяти? Смысл ускользал, а реальность смешивалась с воспоминаниями. Улей превратился в её голову. Пчёлы стали её мыслями. Каждая боль, каждый звук и каждый всплеск памяти сливались в единый хаос. Собрав остатки сил, Энн медленно поднялась на ноги. Мир вокруг ещё плыл перед глазами, но она заставила себя сделать шаг. Ей нужно было вспомнить тот день – день, когда они впервые встретились.

Кто ты? Почему я не могу вспомнить твое имя? Твоё лицо... Как... Как ты выглядел? Где мы встретились? Кто я? – мысли металась, но ответы ускользали.

Резкая боль в бедре мгновенно вырвала её из воспоминаний. Нога запульсировала, словно предупреждая о новой угрозе. Сейчас любая травма могла стать последней – даже самое незначительное повреждение превращалось в смертельную опасность. Она стиснула зубы и заставила себя двигаться дальше. Каждый шаг отдавался болью, но эта боль казалась почти незначительной по сравнению с тем мучительным давлением, что разрывало её голову изнутри. Терпеть. Идти. Звать на помощь. Другого выбора не оставалось. Порывы ветра уносили её слабые крики, растворяя их среди деревьев и ночного пространства. Звуки не достигали ни фар редких проезжающих машин, ни далёких фонарей, ни окон высоких домов, где продолжалась чужая спокойная жизнь. Город был совсем рядом, но близость к нему не означала спасения.

Здесь помощь казалась такой же недостижимой, как и несколько минут назад. Каждый крик требовал последних запасов сил – сил, которых у неё почти не осталось.

– Больно... больно... – едва слышно шептала она, сжимая ладонями виски и тут же бес- сильно разжимая пальцы. Жилки на коже вздувались, кровь гулко стучала в голове, а время словно стремительно сокращалось до той страшной черты, за которой она уже не сможет выдержать.

Через сорок минут мучительного пути она вышла к центральной магистрали. Ещё через пятнадцать оказалась в узком переулке на пересечении улиц. Он был небольшим – всего семь домов, среди которых находился магазин «Мир книг». Энн кричала, захлёбываясь собствен- ным отчаянием. Она рвала волосы, широко распахнув глаза, будто пыталась увидеть спасение там, где его не было. Ноги болели, каждая мышца требовала остановиться, но внутри оста- валось только одно желание – бежать, исчезнуть, оказаться как можно дальше. Она хотела сорваться с места, мчаться из последних сил, но тело больше не подчинялось ей. И тогда она услышала. Шаги за спиной. Медленные. Уверенные. Затем раздался мужской голос – холод- ный, приближающийся, лишённый каких-либо эмоций.

– Нет... нет... нет! – сорвалось с её губ. – Спасите... я больше этого не вынесу... Дрем- лющие...

30 августа 2044 года.

Тело девушки было обнаружено пожилой женщиной Валентиной Яковлевной Долиной, известной среди жителей района как тётушка Валя. В тот вечер она, как обычно, выгуливала свою собаку по кличке Тэнки. Ровно в двенадцать часов двадцать минут ночи её взгляд оста- новился на неподвижной фигуре, лежащей среди густых теней переулка.

6

Они вышли на широкое парадное крыльцо – величественное, почти пугающее в своей высоте, с крутыми, словно уходящими прямо в небо ступенями, теряющимися в густой тем- ноте. Каменные и металлические конструкции вокруг казались частью какого-то огромного заброшенного механизма, давно забытого людьми, но всё ещё живущего собственной таин- ственной жизнью. Марк осторожно ступил на первую ступень и тут же ощутил странное голо- вокружение. Ему показалось, будто лестница не просто уходит вверх, а сама тянет его за собой, медленно и неумолимо увлекая туда, где среди тяжёлых облаков едва пробивался тусклый лун- ный свет.

– Куда мы идём? – спросил он, стараясь, чтобы голос прозвучал спокойно и уверенно.

Он уже не боялся мужчину в чёрном плаще так, как в самом начале их встречи. Теперь Севастьян казался ему скорее странным, чем опасным – человеком, которого трудно понять, но которому почему-то хотелось верить. Однако где-то глубоко внутри всё ещё жило недоверие. Тихое, почти незаметное, но упрямое чувство, которое не позволяло полностью расслабиться. Севастьян не ответил. Он лишь продолжал подниматься вперёд – размеренно, без спешки, ступень за ступенью, словно человек, который давно знает эту дорогу и не сомневается ни в направлении, ни в конечной цели. Его молчание не выглядело равнодушием. Скорее, казалось, что он просто ждал подходящего момента, потому что некоторые вещи нельзя объяснить заран- нее – их нужно увидеть. Металлические ступени отзывались под его ботинками глухим звоном. Каждый шаг отдавался эхом, уходящим вниз, в темноту, словно лестница передавала этот звук куда-то в глубины ночи. Для Марка подъём оказался куда сложнее. Его маленькие ноги плохо слушались после долгого дня, а каждая новая ступень требовала всё больше усилий. Несколько раз он едва не потерял равновесие. Луна почти не давала света, и окружающая темнота скры- вала каждую неровность, превращая обычный шаг в риск. Его пятки скользили по холодному металлу, не находя уверенной опоры. Он вцепился в перила обеими руками, сжимая их так сильно, будто только они удерживали его от падения вниз.

– Ахх... – выдохнул он, едва успев удержаться. Воздух вырвался из груди резким, почти болезненным толчком. – Эй... я чуть не упал!

Холод тут же окружил его со всех сторон. Казалось, сама ночь наклонилась к нему, обняла ледяными руками и оставила на коже невидимый след инея. И вдруг что-то сухое и резкое скользнуло по его щеке. Марк замер. Его глаза широко раскрылись, и в них на мгновение вспыхнул тот самый первобытный страх, который появляется раньше мысли. Он резко дёрнул рукой, ещё сильнее вцепившись в перила, попытался что-то сказать, но голос сорвался и задрожал.

– Ветви, – спокойно пояснил Севастьян, обернувшись через плечо. – Просто ветви. – Он немного помолчал и добавил: – Успокойся. Иначе сорвёшься... или нас заметят.

– Ах... прости, – тихо пробормотал Марк.

В его голосе смешались сразу несколько чувств: испуг, раздражение на самого себя и усталость, которая с каждой минутой становилась всё тяжелее. Сколько они уже поднимались? Несколько минут? Полчаса? Целую вечность? Он не мог понять. Время потеряло смысл среди бесконечных ступеней, темноты и холодного ветра. Пот медленно стекал по его спине, несмотря на пронизывающий воздух, от которого кожа покрывалась мурашками. Ноги ныли так сильно, будто к ним привязали тяжёлые грузы. Каждый новый шаг давался через силу. Ему хотелось только одного – остановиться, лечь прямо здесь, на холодной ступени, закрыть глаза и наконец провалиться в сон, где не было ни страха, ни лестниц, ни бесконечной дороги вверх.

– Сюда, – тихо сказал Севастьян, оглянув последний поворот лестницы. – Смотри. – Он остановился на мгновение и взглянул вдаль. – Красиво, правда?

– Чёрт... наконец-то... Я думал, что...

Марк не успел договорить. В этот момент луна вдруг вышла из-за тяжёлых, неподвижных облаков, скрывавших её почти весь последний час. Это произошло настолько вовремя, что казалось – ночь сама услышала слова Севастьяна и решила ответить ему. Будто высокий художавый мужчина одним своим присутствием мог отдавать приказы не только людям, но и самой тьме. Серебристый свет медленно пролился вниз, раздвигая тени и словно снимая с мира тонкое полупрозрачное покрывало. Город под ними постепенно раскрывался, становясь всё ярче, глубже и живее. Эндримбург раскинулся внизу огромным сияющим полотном – загадочный, прекрасный и немного нереальный, словно древний гигант, который только что пробудился после долгого сна. Лунные лучи скользили по крышам домов, отражались в стекле высотных зданий, смешивались с огнями улиц и усиливали их свечение. Вся панорама превращалась в бескрайнюю россыпь звёзд, только эти звёзды были не в небе, а у самых ног. Марк замер. А потом сорвался с места. Он бросился к краю крыши, забыв обо всём – об усталости, о холоде, о страхе, который ещё недавно держал его в своих руках. Перед ним был город. Настоящий. Огромный. Живой. Он видел его впервые. Не через окна чужих домов. Не из тёмных переулков. Не мимоходом, когда приходилось прятаться и искать место, где можно пережить очередную ночь. Сейчас весь этот мир лежал перед ним. Его огромные штаны – на два, а может, даже на три размера больше нужного – тут же затрепетали на ветру, словно маленький флаг. Марк машинально придерживал их руками, хотя в этом почти не было необходимости: плотная серебристая пряжа, которой была перевязана его талия, надёжно удерживала ткань, создавая вокруг худых бёдер своеобразную маленькую крепость.

– Это... это прелестно... – выдохнул он. В его голосе было слишком много чувства. Слишком много восторга, удивления и какой-то странной, почти болезненной нежности. Севастьян сначала решил, что дело лишь в усталости. После такого подъёма, после пережитого страха и напряжения любой ребёнок мог бы расплакаться или потерять контроль над эмоциями. Но затем он посмотрел внимательнее. И увидел его глаза. Глаза, которые действительно светились радостью, но где-то глубоко под этим светом пряталась боль. Севастьян знал этот взгляд. Когда-то он уже видел его у взрослых людей – у тех, кто пережил потерю, столкнулся с

пустотой, которая навсегда оставляет внутри след. У людей, которые улыбаются чему-то прекрасному не только потому, что им хорошо, но и потому, что они вдруг понимают: когда-то они боялись, что больше никогда ничего подобного не почувствуют. И теперь этот взгляд был у одиннадцатилетнего мальчика. У ребёнка, который слишком рано научился выживать.

– Марк? – тихо позвал Севастьян. – Ты в порядке?

– Да! – почти крикнул мальчик.

Но едва это слово сорвалось с его губ, произошло то, чего он сам, кажется, не ожидал. Из его глаз потекли слёзы – тёплые, тихие, беззвучные. Они просто появились, будто всё то, что он так долго держал внутри, наконец нашло выход. Будто не город перед ним был причиной этих слёз, а сама возможность хотя бы на несколько секунд почувствовать себя не потерянным, не забытым, не одиноким. Он продолжал смотреть на сияющий Эндримбург, а слёзы медленно катились по его щекам, отражая серебристый свет луны.

7

Он стоял неподвижно, глядя в пространство, наполненное ночной глубиной и свободными порывами ветра. Холодный воздух медленно проникал в лёгкие, освежая и одновременно напоминая, насколько высоко они поднялись над городом. Лёгкий шквал пробежал по крыше, разделяя волосы на его затылке и заставляя кожу покрыться мелкими мурашками.

– Уфф... – тихо выдохнул Марк.

Свист ветра ещё несколько мгновений звенел у него в ушах. Он машинально прикрыл рот ладонью, словно боялся, что кто-то из невидимых обитателей темноты, скрывающихся где-то среди крыш и теней, вдруг остановит его и упрекнёт за то, что он нарушил эту хрупкую, почти священную тишину.

– Не волнуйся, – раздался рядом голос Севастьяна. В нём звучала мягкость, почти родственная забота, от которой Марк всё ещё немного терялся. – Здесь нас никто не услышит.

Мальчик замер на несколько секунд, прислушиваясь. Тишина вокруг была настолько глубокой, что казалось, будто весь город внизу исчез, оставив их одних среди ветра, луны и бескрайнего неба. Только после этого Марк позволил себе расслабиться и, уже более серьёзно, спросил:

– Как тебе удалось найти это место? Оно такое красивое.

Севастьян едва заметно улыбнулся.

– Карлсон рассказал.

На несколько мгновений повисла пауза.

– Передавай ему спасибо, – сказал Марк и попытался улыбнуться.

Именно эта фраза заставила Севастьяна остановиться. Он посмотрел на мальчика, будто пытаясь понять, действительно ли тот сказал это всерьёз. А потом рассмеялся. Смех вырвался неожиданно – чистый, звонкий, почти мальчишеский. Он разлетелся по ночной пустоте, отражаясь от стен соседних зданий и уходя куда-то между крышами. Марк стоял рядом, растерянно глядя на него. Он совершенно не понимал, что именно показалось Севастьяну таким смешным.

– Ха-ха... прости, – наконец выговорил мужчина, пытаясь успокоиться. – Я в порядке.

– Он провёл рукой по лицу, всё ещё улыбаясь. – Это из мультфильма. Один из главных персонажей... – Севастьян хлопнул Марка по плечу, заметив его непонимающий взгляд. – Старый мультфильм, – пояснил он. – Мне отец рассказывал о нём. Для меня это уже почти древность, а для тебя... – он усмехнулся, – про тебя я вообще молчу. Поэтому ты и не слышал. Я просто пошутил.

– Очень смешно, – тихо пробормотал Марк. Голос его звучал недовольно, но глаза выдавали другое – в них всё ещё мелькали живость и любопытство. – Я тебе это припомню. Думаю, мы всё-таки поднимались сюда не только ради этого вида, да?

– Ах, ты парень толковый, – с тёплой улыбкой сказал Севастьян.

Он слегка взъерошил ему волосы своими длинными костлявыми пальцами, и в этом движении было столько простой, почти отцовской нежности, что Марк даже не стал возмущаться.

– Скажу так: не только ради вида. Но полюбоваться им действительно стоило.

Севастьян снова перевёл взгляд на город, словно хотел подтвердить собственные слова. Внизу мерцали огни, а над ними бесконечно простиралось тёмное небо. Затем он указал в другую сторону крыши.

– Смотри. Видишь ту вышку?

Его пальцы, освещённые серебристым лунным светом, казались странными и почти нереальными – с выступающими суставами, похожими на маленькие каменные выступы, на которые падали тени.

– Бороздки на разрушенных, разодранных частях здания... – Он сделал небольшую паузу, внимательно наблюдая за реакцией мальчика. – Видишь их?

– Ого... я и не думал, что она такая большая, – восхищённо выдохнул Марк.

Снизу небоскрёб казался гораздо меньше – просто одной из множества высотных конструкций, затерявшихся среди огромного города. Но отсюда, с высоты, под холодным серебром луны, он выглядел совершенно иначе. Его строгие линии, сдержанная геометрия и почти безупречная лаконичность завораживали. Казалось, в этом здании не было ничего лишнего: только сталь, стекло и точный расчёт. Пять массивных стальных колонн удерживали фундамент, словно гигантские опоры какого-то невозможного сооружения, а высота в триста пятнадцать метров превращала небоскрёб в один из главных символов хай-тек архитектуры Эндриксбурга. Построенный в 2021 году и переживший масштабную реконструкцию в 2027-м, он стал не просто частью городского пейзажа, а его узнаваемым силуэтом – одной из тех построек, по которым город можно было узнать издалека. Взгляд Марка медленно скользнул вниз. Там, далеко под ними, люди двигались по площади маленькими точками, почти неотличимыми друг от друга. Они шли, разговаривали, смеялись, куда-то спешили, словно крошечные фигурки в огромном механизме. На несколько мгновений над крышей установилась тишина. Не пустая. А живая. Такая, в которой слышен только ветер, далёкий гул города и собственное дыхание. Казалось, сама ночь решила остановиться, сделать паузу и позволить этим звукам существовать отдельно от всего остального мира. На лице Марка застыло выражение искреннего удивления. Он смотрел то на город, то на небоскрёб, то на бесконечное пространство вокруг, но всё ещё не понимал, зачем Севастьян привёл его сюда. Что именно они должны были найти на этой странной инверсной плоской крыше, возвышающейся над городом? Он уже собирался спросить, но Севастьян заговорил первым.

– Извини... задумался, – тихо сказал мужчина. Его дыхание тут же превратилось в маленькое облачко пара, растворившееся в холодном воздухе.

– Посмотри наверх, Марк. Что ты видишь?

Мальчик поднял голову. Несколько секунд он молчал, пытаясь понять, что именно от него хотят.

– Эм... небо? – неуверенно ответил он.

Севастьян тихо усмехнулся.

– Ха-ха. Верно. Но не совсем.

Он медленно подошёл ближе к краю крыши, заложив руки за спину. Ветер тут же подхватил капюшон его плаща, заставляя ткань двигаться и снова и снова сползать с головы, из-за чего мужчина время от времени раздражённо поправлял его.

– Под этим «небом» ... или, точнее, под этим куполом... есть ещё одна поверхность. Ещё один мир. – Он поднял взгляд вверх, словно пытался увидеть сквозь толщу конструкции то, что скрывалось над ними. – Там тоже живут люди. Для них их небо настоящее. Такое же настоящее, как это для нас. Можешь считать это вторым этажом.

Марк нахмурился, вслушиваясь в каждое слово. Севастьян продолжил:

– Люди, которые живут наверху, считают себя особой кастой. Они уверены, что стоят выше остальных. Для них мы... – он ненадолго замолчал, подбирая слова, – нижний слой. Стадо, которым можно управлять. – Его голос оставался спокойным, но в нём появилась едва уловимая горечь. – Именно там находятся те, кто создал проект Эндримбург, а также его главные спонсоры. Они построили не просто город. Они построили систему. – Севастьян указал на высокую башню вдали. – А та вышка – своеобразный лифт между мирами. Через неё можно попасть наверх. – Он слегка качнул головой. – Правда, доступ туда есть только у охраны и у роботов с рангом S.

После этих слов он посмотрел на Марка. И только теперь заметил его выражение лица. На губах мальчика застыла странная улыбка – смесь восхищения, усталости и лёгкого испуга. Он пытался понять услышанное, но сил оставалось всё меньше. Под глазами темнели тяжёлые тени, лицо казалось, ещё бледнее в холодном свете фонарей, а весь его маленький организм словно требовал одного – остановиться. Севастьян мягко вздохнул. Он подошёл ближе и осторожно похлопал мальчика по плечу.

– Извини... – сказал он уже тише. – Думаю, на сегодня достаточно. – На его лице появилась тёплая улыбка. – Пора передохнуть. – Он немного помолчал, а затем добавил: – Как насчёт сока?

8

На западной стороне площади Эндримбурга располагался квартал, в котором причудливо переплетались отголоски прошлого и беспокойный ритм современного города. Здесь старинные фасады соседствовали с технологичными конструкциями, а в воздухе смешивались запахи свежего кофе, дождливого камня и бесконечного движения людей. В самом центре квартала возвышалась публичная библиотека – величественное здание из серого камня, словно вырезанное из цельной горной породы. Его массивные стены хранили в себе ощущение вековой основательности, будто сама архитектура сопротивлялась стремительному течению времени. Высокие окна отражали свет улиц, а внутри, за тяжёлыми дверями, продолжали жить тысячи историй, записанных на бумаге и цифровых носителях. Неподальку протянулся торговый пассаж с небольшими магазинами, кафе и ресторанами. Среди них выделялась «Панорама» – заведение с огромными окнами, открывающими посетителям вид на оживлённые улицы, и «Визит», сохранивший старомодные вывески и атмосферу прошлого века. Но за последние годы особую популярность приобрёл ресторан «Вирус» – место, которое многие посещали не ради роскоши или моды, а ради необычного вкуса его главного блюда: тартинков из ржаного хлеба с телячьими мозгами. Странное сочетание, вызывавшее у одних недоумение, а у других настоящую преданность, сделало ресторан одной из местных достопримечательностей. Чуть в стороне располагалось полицейское управление – здание, которое словно намеренно затерялось среди шумных улиц и старых построек. Оно само по себе было частью истории города. Первое здание управления возвели ещё в 1996 году, но спустя всего два года оно почти полностью сгорело в сильнейшем пожаре. В 1998-м власти попытались восстановить его, однако судьба словно не желала оставлять этому месту прежний облик: огонь вновь уничтожил большую часть сооружения. На восстановление потребовалось двадцать четыре тысячи рунков – сумма, которая в те времена казалась почти непостижимой.

Спустя десятилетие, в 2008 году, городская дума наконец приняла решение снести остатки обгоревшего здания и построить на его месте новый комплекс. Согласно первоначальному плану здесь должны были появиться два опорных сооружения: современное пожарное депо и доходный дом, где разместились бы банк, ломбард и обновлённое полицейское управление. Но годы проходили. Эпохи менялись. Город перестраивался. А полицейский участок словно отказался уходить в прошлое и пустил корни глубже, чем кто-либо ожидал. От старого здания сохранилось лишь одно слово – «ПОЛИЦИЯ». Теперь оно сияло крупными светодиодами.

ными буквами над входом, превращаясь из простого обозначения в странный символ преемственности. Само здание выглядело необычно: причудливый сплав готики и футуризма, будто его спроектировал архитектор, который пытался представить мрачное будущее, не забывая о призраках прошлого. Острые линии, тёмные поверхности и холодный блеск металла создавали ощущение места, которое одновременно принадлежало нескольким эпохам. Именно здесь, в половине десятого утра, один уже знакомый нам человек давал показания.

– Уважаемый... – протянул сутулый старик, сидевший напротив, едва скрывая раздражение. Он поднял взгляд на гражданина.

– Ельский Арсений Константинович. Уважаемая полиция, это, конечно, можно было бы и запомнить...

– Прошу прощения... уважаемый Арсений Константинович, – повторил старик уже более спокойно.

Он слегка наклонился вперёд, опираясь на гладкую глянцевую поверхность стола. В одной руке он держал модифицированную идентификационную карточку, внимательно изучая содержащуюся на ней информацию, а другой прикрывал нос. Причина была очевидна. Запах был почти невыносимым.

– Так вы утверждаете, что вас ограбили? – спросил он, тяжело выдыхая и стараясь сохранить профессиональный тон.

Перед ним сидел средних лет толстяк, рыжеволосый, с пунцовым лицом, раздувающимся от алкоголя. Футболка была покрыта пятнами красновато-жёлтыми разводами соуса, полосами от бурбона и чем-то зеленоватым, подозрительно похожим на рвоту. Старик мысленно проклинал старость: желудок сводило от запаха, мышцы живота рефлекторно напрягались, удерживая подступающий ком.

«Господи, Ельский... где ж ты бродил, что от тебя так несёт?»

– Да, абсолютно точно, – подтвердил толстяк, слегка покачнувшись на стуле и, словно совершенно не замечая расстояния между ними, выпустил тяжёлый выдох прямо в лицо главе отделения. Фаддей резко отодвинулся назад. На несколько секунд он просто застыл, стараясь не дышать.

«О, Господи... меня сейчас вырвет.»

Он медленно выпрямился, вернув на лицо подобие профессионального спокойствия.

– Хорошо... Продолжим, – произнёс он сквозь сдерживаемое раздражение. – Вы не помните, в какой именно момент обнаружили пропажу часов?

– Ещё бы не помнил! – фыркнул мужчина. – Я даже знаю, кто меня обчистил!

Он с важностью откинулся назад, словно собирался раскрыть преступление века. Но договорить не успел. Дверь кабинета внезапно распахнулась.

– Ооо... Боже... Фаддей Викторович, что за запах? – раздался молодой голос. – Нас опять перепутали с убийным отделом?

В комнату вошёл парень лет двадцати. Тёмно-русые волосы были аккуратно собраны в тугой хвост, открывая лицо с выразительными чертами. Высокий, стройный и подтянутый, он носил форму с фиолетовыми обшлагами, которая сразу выдавала его принадлежность к службе. Несмотря на простоту одежды, в нём было что-то такое, что заставляло людей невольно обращать внимание. Он сделал пару шагов внутрь, оглядел помещение и поморщился.

– Сегодня опять бездомного приводили? – предположил он, подходя к огромным панорамным окнам. Одним движением он открыл их, впуская внутрь холодный городской воздух. – Так-то лучше...

Фаддей сидел за тяжёлым креслом из чёрного дуба, которое с трудом справлялось с его массивной фигурой. Он медленно перевёл взгляд на молодого сотрудника. В этом взгляде было всё: предупреждение, раздражение и безмолвная просьба остановиться. Но парень, как обычно, ничего не понял. Фаддей тяжело вздохнул и кашлянул, пытаясь напомнить подчинён-

ному, что иногда молчание является прекрасным профессиональным навыком. Однако кашель неожиданно перерос в настоящий приступ.

– Вы в порядке? – обеспокоенно спросил молодой человек.

Фаддей попытался ответить, но вместо этого только сильнее закашлялся.

– Кхм... Может, хватит?! – внезапно рявкнул Ельский. – Он раздражённо ударил ладонью по столу. – Я пришёл сюда не смотреть на ваше представление! Можно уже продолжить?!

В кабинете на мгновение повисла тишина.

– Да, конечно, – устало произнёс Фаддей, махнув рукой. Он снова посмотрел на толстяка. – Уважаемый Арсений Константинович, прошу продолжить. Вы сказали, что знаете, кто мог вас ограбить.

– Не мог, а точно он, – важно поправил Ельский. Он сложил руки на груди. – Мальчуган. В грязной одежде. Я сразу понял: беспризорник. Шастает где попало...

«Кто бы говорил...»

Фаддей едва заметно поднял бровь, но ничего не сказал, лишь внимательно слушал рассказ Ельского, после чего, он снова взглянул в протокол.

– Итак... – Его палец скользнул по строкам записи. – В шесть часов вечера вы находились на главной площади, где проходило празднование Дня города. В восемь сорок вас толкнул мальчик... достаточно сильно, чтобы вы пролили напиток. После этого появился мужчина в чёрном плаще, схватил вас за плечо, но вы не смогли рассмотреть его лицо, поскольку он был в маске. Всё верно?

– Да! – радостно подтвердил Ельский. Он даже слегка оживился, словно наконец услышал вопрос, на который давно ждал возможности ответить.

– Хорошо. – Фаддей снова перевёл взгляд на бумаги. – Мальчик был одет в футболку с названием рэп-группы, в синие штаны... а на голове у него была повязка?

– Красная. С чёрной надписью! – быстро ответил Ельский. – У меня хорошая память на уголовников.

Фаддей медленно закрыл глаза на секунду, но продолжил запись.

– Благодарим вас за предоставленную информацию. Мы обязательно примем её к сведению и внимательно рассмотрим. Если потребуется уточнить какие-либо детали или получить дополнительные сведения, мы свяжемся с вами и сообщим об этом в установленном порядке. – Он говорил идеально ровным официальным тоном человека, который произносил подобные фразы уже сотни раз.

– Вы же поймаете его? Их! – выкрикнул Ельский уже у самой двери.

Фаддей проводил его взглядом.

– Да... конечно, – устало выдохнул он. – Обязательно поймает.

Дверь закрылась. И только тогда глава позволил себе глубоко вдохнуть.

9

На перекус они отправились в кафе «Новая Арба», уютно расположившееся в квартале неподалёку от их участка. В это раннее время заведение ещё только начинало оживать: мягкий свет ламп отражался от столов, за стойкой негромко звенела посуда, а редкие посетители лениво занимали свои места, наслаждаясь первым приёмом пищи в начале дня. За исключением их столика, кафе почти пустовало. Ян заказал себе сэндвич с индейкой и чашку горячего кофе, тогда как Фаддей, обычно не способный устоять перед своими любимыми рёбрышками под кисло-сладким соусом, сегодня вынужден был проявить неожиданную силу воли. Его желудок явно не собирался мириться с привычными гастрономическими удовольствиями, поэтому старик ограничился овощным салатом и прохладным зелёным чаем.

– Всё настолько плохо? – осторожно спросил Ян, внимательно наблюдая за ним.

Фаддей ничего не ответил. Он с сосредоточенным видом подцепил вилкой ломтик помидора и быстрым движением отправил его в рот. Затем начал медленно пережёвывать, нахму-

рив брови и задумчиво уставившись перед собой. Со стороны он напоминал старую коровку, мирно жующую свежую траву на лугу: тот же серьёзный вид, та же полная сосредоточенность на процессе. Ян едва заметно улыбнулся, терпеливо ожидая, когда мысли Фаддея наконец преодолеют длинный путь от вопроса к ответу. Но ответа не последовало. Старик лишь ускорил темп. Теперь в ход пошли кусочки огурца, которые он с таким же серьёзным видом отправлял в рот, будто от скорости поедания зависело принятие важного государственного решения.

– Так... – наконец пробормотал он, наклонившись вперёд. Он явно собирался продолжить, но нужные слова где-то потерялись.

– Ешь свой ланч, Ян, – строго сказал Фаддей. – Иначе всё окажется на полу.

Молодой человек нахмурился, но послушался. Он осторожно отодвинулся назад, и ножка стола тихо цокнула по полу, слегка задев стаканы с напитками. В этот момент к ним подошла официантка. Молоденькая девушка с длинными светловатыми волосами, распущенными почти до пояса, двигалась с неуверенной грацией человека, который ещё не успел привыкнуть к собственной форме. Её манеры оставляли желать лучшего: она продолжала жевать жвачку, не особо заботясь о том, насколько это заметно, а мышцы лица постоянно работали, напрягая скулы при каждом движении челюсти. Красно-чёрная клетчатая рубашка плотно облегла фигуру, а короткие шорты выглядели так, будто были выбраны скорее ради внешнего эффекта, чем удобства. Весь тщательно созданный образ «роковой красавицы» несколько разрушался её неловкой походкой и упрямым, сосредоточенным пережёвыванием жвачки. Она молча положила счёт на стол и, не задерживаясь, отправилась обслуживать следующих посетителей. За соседним столиком лысеющий мужчина в очках настолько увлёкся наблюдением за девушкой, что едва не потерял равновесие, но Ян даже не заметил этого. Всё его внимание оставалось приковано к Фаддею.

– Ну же... Вы были у врача, верно? – продолжил он, не собираясь отступать. – Вы ведь всё-таки взяли салат вместо любимых рёбрышек? – Ян сделал глоток кофе. – Все в этом кафе знают, как вы их любите. Не зря они получают такие хорошие чаевые за ваше удовольствие... – Он откусил кусок сэндвича и тщательно пережевал. – Знаете, я не отстану. С таким темпом, как вы едите, мы скоро окажемся соседями по койкам. Причём, боюсь, с одинаковыми диагнозами.

Фаддей продолжал есть, словно слова молодого человека были просто шумом на фоне. Он спокойно запивал каждый кусочек чаем и лишь изредка бросал на Яна короткие взгляды.

– Хватит так на меня смотреть, Ян, – наконец сказал старик. – Тут есть куда более привлекательные «инсталляции», чем я. – Он положил вилку и внимательно посмотрел на него. – Обычные старческие проблемы. Вчера голова, сегодня желудок, завтра, может быть, день относительного спокойствия. Вот и всё. – Ян уже открыл рот, чтобы возразить, но Фаддей поднял руку, останавливая его. – Да, к врачу ходил. – Он вздохнул. – В нашу городскую больницу. Утром меня принял доктор Карпинский. Хороший человек. Выписал пару таблеток и стало намного легче. – Старик слегка усмехнулся. – Честное слово, Ян, я покойной жене не всё рассказывал так подробно, как сейчас перед тобой отчитываюсь. – Фаддей попытался сделать недовольную гримасу, но Ян увидел главное. За ворчанием, за привычными шутками и раздражением скрывалась настоящая привязанность. Для Фаддея он был уже не просто напарником. Почти сыном.

– Отлично! – с облегчением воскликнул Ян.

Он снова взялся за недоеденный сэндвич и теперь жевал медленнее, внимательнее, как когда-то советовал ему сам старик. Фаддей посмотрел на него и тихо усмехнулся.

– Ха... паршивец.

Они ещё долго сидели бы за этим столом, спорили, шутили и раздражали друг друга привычными мелочами. Они ещё не знали, что эта трапеза в «Новой Арбе» станет для них последней.

Смуглый мужчина за пятьдесят уверенно вёл автомобиль по восточной трассе, хотя внешне ему легко можно было дать едва ли тридцать. В его движениях сохранялась спокойная уверенность человека, привыкшего контролировать обстоятельства, но где-то глубоко внутри всё ещё жило лёгкое, почти юношеское волнение.

Слева остался городской парк – огромным зелёным пятном промелькнувший за окном и постепенно исчезнувший в зеркале заднего вида. Алекс ещё несколько секунд смотрел на дорогу перед собой, а затем вновь поймал себя на знакомой мысли: пятнадцать лет назад он не смог бы даже представить, куда приведёт его жизнь. Кто бы поверил, что вчерашний «подай-принеси» из исследовательской лаборатории однажды займёт один из самых высоких постов в стране? Пост Правителя. Положение человека, стоящего во главе государства. Когда-то он был всего лишь безымянным сотрудником среди сотен других работников технологической сферы – маленькой деталью в огромном механизме науки, где одни создавали открытия, а другие лишь выполняли поручения. В том сером, унылом прошлом, наполненном бесконечными сменами, холодными кабинетами и ощущением собственной незначительности, он даже не позволял себе всерьёз мечтать о власти. Слишком далёкой она казалась. Слишком невозможной. «Как мне удалось добиться такого результата?» – часто спрашивала его мать. И каждый раз он отвечал одинаково:

– Всё просто. Мозгами.

Коротко. Уверенно. Почти с вызовом. Хотя за этими словами скрывалась история, о которой он редко вспоминал. Отношения с матерью никогда не были тёплыми. Она не поддерживала его и не стремилась понять. Напротив, казалось, что она постоянно пыталась уменьшить его, удержать в тех границах, которые сама для него установила. Она контролировала каждый его шаг, каждое решение, каждое стремление, словно боялась, что однажды сын перестанет быть послушным продолжением её воли и попытается стать кем-то самостоятельным. Она держала его в невидимой клетке. Но у каждой клетки есть предел прочности. С возрастом менялось не только его тело. Вместе с взрослением росли характер, упрямство и амбиции. Настал день, когда он впервые открыто заявил, что хочет связать своё будущее с медициной и техническими науками. Ответ был простым. Запрет. И именно тогда закончилась его жизнь по чужому сценарию. Он больше не стал спорить. Не стал просить разрешения. Он собрал вещи и уехал в соседний город, где поступил в университет. Там, среди таких же молодых людей, каждый из которых пытался найти своё место в мире, он начал путь с самого низа. Денег почти не было, поддержки тоже, но было главное – холодное терпение и уверенность в собственных способностях. Он поднимался медленно. Шаг за шагом. Ошибка за ошибкой. Победа за победой. Да, мозги были хороши. Но со временем он понял ещё одну простую истину: мозги открывают двери. А деньги позволяют войти. И именно деньги пришли к нему в 2024 году. В тот год, когда страну потряс вирус, лишивший людей сна. Для миллионов это стало настоящей катастрофой – временем страха, усталости и неопределённости. Но для него... Для него это был шанс. Его собственная разработка, позднее получившая название SNL, стала тем самым открытием, которое изменило всё. Она принесла ему не только известность, но и влияние, связи, огромные финансовые возможности. Вчерашний лабораторный работник, которого никто не замечал, внезапно оказался человеком, чьё имя произносили в кабинетах власти. Тогда никто не мог предположить, что одна технология, созданная среди тишины исследовательских помещений, среди холодного света приборов и бесконечных расчётов, однажды станет лестницей к вершине государственной пирамиды. Но он поднялся. И теперь, сидя за рулём автомобиля на восточной трассе, он ехал не как человек, который мечтает о будущем. Он ехал как человек, который уже его получил.

Уходящее лето ещё не спешило уступать место осени. В воздухе сохранялась лёгкая прохлада, а природа щедро продолжала рассыпать вокруг последние яркие оттенки зелени. Дорога тянулась вперёд ровной линией, окружённая спокойствием позднего августа, когда жара уже

отступила, но солнечный свет всё ещё сохранял мягкое тепло. Он проехал мимо необычного стеклянного здания, расположенного примерно в восьмидесяти пяти километрах к югу от центральных районов города. Его архитектура сразу выделялась среди окружающих построек: фасад был составлен из П-образных полупрозрачных панелей, установленных с математической точностью – каждая находилась ровно в десяти сантиметрах от соседней. Издалека конструкция казалась цельным монолитом. Сложно было понять, где заканчивалось стекло и начиналась тень, где проходила граница между настоящей поверхностью и отражением. Здание словно существовало одновременно в двух состояниях – материальном и иллюзорном.

Рядом располагалась парковка. Металл кузовов отражал солнечный свет: красная Toyota, серебристая Lada, несколько других автомобилей, оставшихся без внимания. Мужчину они совершенно не интересовали. Его взгляд принадлежал только одной машине. Среднемоторному спортивному Pagani Huayra цвета алых роз. Автомобиль мог легко преодолеть отметку в триста семьдесят километров в час. И он любил это ощущение. Ощущение скорости. Контроля. Превосходства. Вдоль трассы шли двое мальчишек с айподами в руках. На них были чёрные пиджаки с фиолетовыми эмблемами – форма учеников Центра обучения, учреждения, которое когда-то называли куда проще: школой. Алекс проводил их взглядом и усмехнулся.

– Эх... – тихо произнёс он. – А ведь когда-то мы таскали портфели и сутулились под их идиотским весом. – Он слегка покачал головой. – Благодарите меня. Я создал новую историю.

Его мысли ещё продолжали свободно блуждать, когда внезапный рев двигателя прорезал спокойствие трассы. По соседней полосе промчался мощный Ducati. За рулём сидел парень в чёрной майке, а позади него, удерживаясь на высоких подножках, расположилась девушка в жёлтой куртке и короткой чёрной юбке. Мотоцикл резко качнулся в сторону и неожиданно подрезал автомобиль. Мужчина среагировал мгновенно. Рука сама повернула руль вправо. Девушка, испугавшись, быстро прикрыла лицо ладонью, а мотоциклист, заметив эмблему на автомобиле, лишь сильнее выкрутил газ и исчез впереди, растворившись в дорожной дымке. Несколько секунд Алекс молчал. Потом его пальцы сильнее сжали руль.

– Вот уроды... – процедил он сквозь зубы. – Я вас запомнил.

Он снова нажал на педаль газа. Мотоцикл уже исчез из поля зрения, но впереди появилось другое зрелище. Слева возвышалось величественное сооружение, напоминающее огромный белоснежный утёс. Здание нависало над городом, словно гигант из стали и стекла, облачённый в безупречные доспехи. В его облике чувствовалось влияние скандинавского минимализма: холодная точность линий, отсутствие лишних деталей и одновременно ощущение огромной скрытой силы. Квадратная кровля, вытянутая далеко вперёд, держалась всего на двух массивных стальных колоннах, создавая впечатление невозможной лёгкости. Главный зал представлял собой единое огромное пространство, нарушенное лишь несколькими лестницами, ведущими вниз, к подвальному уровню. Всё было рассчитано так, чтобы человек внутри ощущал не просто масштаб здания, а собственную малость перед ним. На верхнем этаже, за панорамными окнами, которые сияли в солнечном свете, располагался его кабинет.

Алекс почувствовал, как в груди усилилось волнение – не страх, не сомнение, скорее ожидание. Предвкушение момента, который приближался с каждой секундой. *Совсем скоро...* И действительно. Через пять миль впереди появился дорожный указатель, его светоотражающие буквы ярко блеснули под солнцем: «Трасса 34. Эндримбург. Улица Белевская.»

11

Большинство жителей Эндримбурга, облачённых в свои неизменные перламутрово-фиолетовые костюмы, уже давно вышли на утренние маршруты. Они двигались по улицам уверенно и привычно, словно знали каждый поворот, каждую развилку и каждый перекрёсток лучше, чем собственные мысли. Город просыпался рано. Рабочий день в Эндримбурге начинался задолго до того, как солнце успевало подняться высоко над зданиями. Улицы постепенно

наполнялись людьми, спешащими занять свои места в офисах, мастерских, торговых павильонах и многочисленных заведениях, составлявших сложный механизм городской жизни.

Мишель относилась к той редкой категории жителей, чья работа была связана не с производством или обслуживанием, а с управлением самим городом. Она занимала должность второго члена городского управления и фактически выполняла роль его секретаря – человека, который держал в порядке документы, контролировал расписания, напоминал о важных встречах и незаметно связывал между собой множество процессов, от которых зависела ежедневная работа администрации. Аккуратная. Исполнительная. Всегда востребованная.

Убрав телефон в небольшую сумочку, Мишель направилась в кафе «Шик», чтобы забрать утренний заказ для коллег: десять сэндвичей с лососем и маленький стаканчик американо для себя. Пока она ждала, девушка машинально пролистывала ленту в мессенджере, лениво скользя пальцем по экрану. Время от времени она делала очередной снимок – привычка, давно превратившаяся в своеобразный утренний ритуал. Не необходимость. Не желание показать что-то миру. Просто маленький жест, с которого начинался её день. Мишель было двадцать четыре года. Стройная, ухоженная, привлекательная – она считалась одной из тех немногих девушек города, чья внешность почти всегда привлекала внимание. Она легко находила компанию для вечерних развлечений: стоило ей появиться в «Арроколь Пасьон», как знакомые сами подходили к ней, а когда хотелось чего-то более шумного, она выбирала клубы вроде «Искры», «Винтажа» и других мест, где громкая музыка заглушала мысли, а искусственный свет казался ярче настоящего.

– Ваш заказ, мисс, – мягко произнёс юноша за стойкой. Он поставил перед ней плотный коричневатый пакет и почти сразу исчез, словно растворился среди столиков и посетителей. Логотип кафе никогда особо не впечатлял Мишель. Тёмно-коричневая надпись, угловато вписанная в полукруг, выглядела скорее временным решением, чем полноценным фирменным стилем. Казалось, дизайнеры сделали её лишь потому, что пустое место на вывеске выглядело слишком заметно. Но сегодня её внимание привлекла маленькая деталь. Сверху, прямо над логотипом, кто-то оставил надпись от руки. Номер телефона. И короткая фраза: «Позвони, если хочешь пообщаться». Мишель подняла взгляд. Тот самый голубоглазый парень за стойкой уже смотрел в её сторону. Она подарила ему лёгкую улыбку – вежливую, спокойную, такую, в которой читалось одновременно понимание и мягкий отказ. Она заметила сообщение. Просто решила сделать вид, что нет. С пакетом в руках девушка уверенно вышла из кафе и направилась к зданию управления. Она уже почти подошла ко входу, когда солнечный луч неожиданно ударил в глаза, отразившись от гладкой поверхности автомобиля, припаркованного рядом. Красноватый кузов. Слишком знакомая форма. Слишком знакомый силуэт. На мгновение Мишель остановилась. Ей даже захотелось убедить себя, что она ошиблась. Но нет. Это была именно та машина. Та, которую сегодня утром она меньше всего хотела увидеть возле своего рабочего места. Девушка нахмурилась.

– Чёрт... ещё рано, – тихо пробормотала она.

Шаг стал быстрее. Но чем ближе она подходила к зданию, тем яснее понимала: избежать встречи не получится. Она снова посмотрела на автомобиль.

– Чёрт...

На этот раз слово прозвучало гораздо отчётливее. Каблуки звонко застучали по бетонной дорожке, когда Мишель резко изменила направление и ускорила. Она направилась прямо к входным дверям, надеясь проскользнуть внутрь прежде, чем её заметят. Хотя где-то внутри уже понимала: если эти люди приехали сюда так рано, случайностью это быть не могло.

12

Продовольственный магазин Виктора под названием «Всё для дома» располагался неподалёку от частного сектора – в том самом районе, где узкие дорожки переплетались между зелеными палисадниками, а каждый дом словно существовал в собственном, неспешном ритме.

Здесь всё казалось немного старомодным. Не было суеты центральных улиц, не было бесконечного потока людей и ярких рекламных огней. Лишь тихие разговоры соседей, скрип старых калиток и запах свежей выпечки из ближайших домов создавали ощущение места, которое упрямо сохраняло привычки прошлого.

Магазин Виктора давно стал не просто торговой точкой. Для многих жителей района, особенно пенсионеров, он превратился в своеобразное место встречи. В дождливые дни у низкого навеса возле входа собирались прохожие, пережидая непогоду и обсуждая последние городские новости. Кто-то жаловался на цены, кто-то вспоминал прошлое, кто-то просто приходил ради разговора. Зимой всё становилось ещё привычнее. Старики словно становились частью интерьера: неизменно занимали места возле обогревателя, грели ладони над чашками дешёвого чая и часами беседовали друг с другом, будто маленький магазинчик был не просто помещением с полками и товарами, а их личным клубом, куда не требовалось приглашение. Сам Виктор идеально вписывался в эту атмосферу. Толстоватый, слегка сутулый мужчина лет тридцати, с высоким лбом и густой пышной бородкой, он напоминал героя старой сказки – добродушного великана, который случайно оказался среди обычных людей. Из-за большого шрама, пересекавшего щёку, его иногда в шутку сравнивали с персонажем восточных легенд, словно местным «Али-Бабой» из истории о сорока разбойниках. Но внешность часто обманывала. За этим суровым следом прошлого скрывался человек удивительно мягкий и отзывчивый. Виктор относился к тем редким людям, чью доброту замечают почти сразу – не потому, что они стараются её показать, а потому что иначе просто не умеют. Было около половины десятого утра. Магазин только начинал наполняться привычным утренним шумом: открывались двери холодильников, звенела посуда, за стенами негромко разговаривали первые покупатели. Но именно в этот момент два офицера в фиолетово-чёрной форме уже стояли перед прилавком, превращая обычный разговор с продавцом в официальную процедуру. Виктор внимательно смотрел на голографическую проекцию, появлявшуюся перед ним.

– Нет, извините, таких людей я не видел, – произнёс он уверенно. Голос звучал спокойно и убедительно.

На голографическом изображении одна за другой сменялись фотографии: лица мужчин, профиль женщины, силуэт ребёнка. Виктор всматривался в каждую, стараясь не пропустить ни одной детали. Через несколько секунд его выражение изменилось.

– Они... преступники? – тихо спросил он. Он перевёл взгляд на офицеров. – И ребёнок тоже? – В его голосе появилась неподдельная тревога. Один из мужчин слегка кашлянул, словно заранее подбирая осторожный ответ.

– Простите, уважаемый...

– Виктор, – спокойно перебил хозяин магазина. – Для всех я просто Виктор.

Офицер немного замешкался, затем кивнул.

– Хорошо, Виктор. – Он говорил уже мягче. – К сожалению, мы не имеем права разглашать подробности этого дела. Но можете не беспокоиться – ничего серьёзного не произошло.

Несколько секунд Виктор молчал, продолжая смотреть на фотографии. Затем аккуратно убрал голографическое изображение на стойку.

– Понял. – Он вздохнул. – Если увижу этих людей, сразу сообщу.

– Благодарим за уделённое время, – ответил второй офицер.

Мускулистый мужчина первым направился к выходу, его напарник последовал за ним. Дверь открылась, над входом тихо звякнул колокольчик. Через мгновение они исчезли на улице. Виктор остался один. Перед ним лежали голограммы, вокруг снова наступила привычная тишина, а лёгкий звон дверного колокольчика ещё несколько секунд продолжал растворяться в воздухе. Он смотрел на закрывшуюся дверь и почему-то не мог избавиться от странного ощущения. Будто эти люди были не просто очередным делом, которое скоро исчезнет из его памяти.

Подъехав к офисному зданию, Алекс неторопливо заглушил двигатель и на несколько секунд задержался в салоне, словно позволяя тишине после поездки окончательно осесть вокруг него. Утренний воздух встретил его плотной влажностью. В нём ещё чувствовалось присутствие ночи – той короткой паузы, когда город уже проснулся, но солнце ещё не успело окончательно вступить в свои права. Алекс вышел из автомобиля и мельком осмотрел парковку. Ряды машин стояли ровными линиями, отражая первые лучи света, но его взгляд лишь скользнул по ним и тут же вернулся к цели. Он уверенно направился к металлической будке охраны у входа. Внутри, за узким столом, находился мистер S-Ричи. Робот последнего поколения. На первый взгляд он почти не отличался от человека: те же пропорции тела, те же плавные движения, та же способность реагировать на окружающее. Но внимательный наблюдатель сразу заметил бы детали, которые выдавали его искусственную природу – холодный блеск глаз, идеальную неподвижность лица и отсутствие тех едва уловимых жестов, которые свойственны живым людям. Его глаза мерцали крошечными огоньками. Встроенный имплант мгновенно обрабатывал поступающие данные и выводил информацию прямо на внутреннюю систему искусственного зрения. Стоило Алексу приблизиться, как робот повернул голову. Движение было точным. Слишком точным. Не оставляющим сомнений, что перед ним не человек.

Алекс протянул правую руку. Мистер S-Ричи наклонился вперёд и просканировал запястье широкоплечего мужчины, одетого в безупречный костюм глубокого винного оттенка. На ладони робота вспыхнула голографическая панель, мгновенно отобразившая идентификационные данные.

– Отлично. Вольский Алекс Алексеевич, – произнёс робот. – Теперь встаньте ровно и посмотрите мне в глаза.

Его голос звучал без эмоций, но идеально выверенно. Алекс спокойно откинул прядь седоватых волос со лба, открывая лицо для сканирования. Тонкие полосы лазерного света быстро прошли по его зрачкам, проверяя реакцию глаз почти так же, как это сделал бы врач с обычным фонариком во время осмотра. Несколько секунд ничего не происходило. Затем в глазах мистера S-Ричи загорелся зелёный индикатор.

– Благодарю, уважаемый Вольский Алекс Алексеевич. Личность подтверждена. Проходите.

Алекс едва заметно улыбнулся. Не роботу. Скорее самому себе. Он направился к зданию. Глубоко вдохнув тёплый утренний воздух, мужчина легко поднялся по ступеням, почти пружинистой походкой преодолевая расстояние до входа. Массивные стальные колонны над крыльцом возвышались над ним, создавая ощущение строгой монументальности. Пройдя все оставшиеся формальности, Алекс оказался в просторном холле. Звук его шагов мягко отражался от стен, растворяясь в большом открытом пространстве. На втором этаже, за стойкой администратора, сидела Мишель. Она сосредоточенно смотрела в экран монитора, пока знакомый голос не заставил её поднять взгляд.

– Доброе утро, милая Мишель, – произнёс Алекс.

Он слегка поклонился, словно настоящий джентльмен старой школы.

– Доброе утро, Алекс Алексеевич, – ответила она. – Вы сегодня немного припозднились. Вас уже ожидают.

– Позволил себе небольшую роскошь – насладиться последними днями уходящего лета, – с улыбкой сказал Алекс. Он кивнул в сторону массивной двери в конце коридора.

– Все уже там?

– Да. – Мишель чуть улыбнулась. – И, судя по всему, в прекрасном настроении. Особенно после того, как увидели меня. – Она произнесла это с лёгкой игривостью, поправляя локоны, упавшие на ключицу. Алекс рассмеялся. Его смех разнёсся по просторному холлу, неожиданно живой и человеческий среди холодного блеска металла и стекла.

– Тогда не буду заставлять их ждать.

Он развернулся и направился по коридору, насвистывая лёгкую мелодию. Через несколько секунд его тёмная фигура постепенно исчезла в глубине помещения. Мишель продолжала смотреть ему вслед. Она провожала его взглядом до тех пор, пока он окончательно не скрылся за поворотом. И только тогда с её губ сорвался тихий, почти незаметный вздох. На часах приближалось без пяти десять. Девушка медленно потянулась к телефону, аккуратно спрятанному под стопкой документов, и достала его. Она сделала это осторожно, словно не хотела, чтобы кто-то заметил. Словно собиралась вернуться к чему-то важному, что пришлось прервать.

14

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.